

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 2. М.: Худ. литература, 1971. С. 311 - 381.

I

Мой слуга, повар и спутник по охоте - полесовщик Ярмола вошел в комнату, согнувшись под вязанкой дров, сбросил ее с грохотом на пол и подышал на замерзшие пальцы.

- У, какой ветер, паныч, на дворе, - сказал он, садясь на корточки перед заслонкой. - Нужно хорошо в грубке протопить. Позвольте запалочку, паныч.

- Значит, завтра на зайцев не пойдем, а? Как ты думаешь, Ярмола?

- Нет... не можно... слышите, какая завируха. Заяц теперь лежит и - а ни мур-мур... Завтра и одного следа не увидите.

Судьба забросила меня на целых шесть месяцев в глухую деревушку Волынской губернии, на окраину Полесья, и охота была единственным моим занятием и удовольствием. Признаюсь, в то время, когда мне предложили ехать в деревню, я вовсе не думал так нестерпимо скучать. Я поехал даже с радостью. "Полесье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытные натуры, - думал я, сидя в вагоне, - совсем незнакомый мне народ, со странными обычаями, своеобразным языком... и уж, наверно, какое множество поэтических легенд, преданий и песен!" А я в то время (рассказывать, так все рассказывать) уж успел тиснуть в одной маленькой газетке рассказ с двумя убийствами и одним самоубийством и знал теоретически, что для писателей полезно наблюдать нравы.

Но... или перебродские крестьяне отличались какою-то особенной, упорной несообщительностью, или я не умел взяться за дело, - отношения мои с ними ограничивались только тем, что, увидев меня, они еще издали снимали шапки, а поравнявшись со мной, угрюмо произносили: "Гай буг", что должно было обозначать "Помогай бог". Когда же я пробовал с ними разговориться, то они глядели на меня с удивлением, отказывались понимать самые простые вопросы и все порывались целовать у меня руки - старый обычай, оставшийся от польского крепостничества.

Книжки, какие у меня были, я все очень скоро перечитал. От скуки - хотя это сначала казалось мне неприятным - я сделал попытку познакомиться с местной интеллигенцией в лице ксендза, жившего за пятнадцать верст, находившегося при нем "пана органиста", местного урядника и конторщика соседнего имения из отставных унтер-офицеров, но ничего из этого не вышло.

Потом я пробовал заняться лечением перебродских жителей. В моем распоряжении были: касторовое масло, карболка, борная кислота, йод. Но тут, помимо моих скудных сведений, я наткнулся на полную невозможность ставить диагнозы, потому что признаки болезни у всех моих пациентов были всегда одни и те же: "в сере??дине болит" и "ни есть, ни пить не могу".

Приходит, например, ко мне старая баба. Вытерев со смущенным видом нос указательным пальцем правой руки, она достает из-за пазухи пару яиц, причем на секунду я вижу ее коричневую кожу, и кладет их на стол. Затем она начинает ловить мои руки, чтобы запечатлеть на них поцелуй. Я прячу руки и убеждаю старуху: "Да полно, бабка... оставь... я не поп... мне это не полагается... Что у тебя болит?"

- В середине у меня болит, панычу, в самой что ни на есть середине, так что даже ни пить, ни есть не могу.

- Давно это у тебя сделалось?

- А я знаю? - отвечает она также вопросом. - Так и печет и печет. Ни пить, ни есть не могу.

И сколько я не бьюсь, более определенных признаков болезни не находится.

- Да вы не беспокойтесь, - посоветовал мне однажды конторщик из унтеров, - сами вылечатся. Присохнет, как на собаке. Я, доложу вам, только одно лекарство употребляю - нашатырь. Приходит ко мне мужик. "Что тебе?" - "Я, говорит, больной"... Сейчас же ему под нос склянку нашатырного спирту. "Нюхай!" Нюхает... "Нюхай еще... сильнее!..." Нюхает... "Что, легче?" - "Як будто полегшало..." - "Ну, так и ступай с богом".

К тому же мне претило это целование рук (а иные так прямо падали в ноги и изо всех сил